На берегах реки Ждановки
СЕРГЕЙ ПЕТРОВ

Сергей Юрьевич Петров

На берегах реки Ждановки

Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949875
На берегах реки Ждановки: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03724-4

Аннотация

Несмотря на то что речка Ждановка и прилегающие к ней районы находятся в центре Петербурга, материалов по их истории немного. Эта книга – серия очерков, посвященных различным событиям, происходившим в этой местности, ее улицам и переулкам и жившим там людям. Вплоть до 1960-х годов в окрестностях Ждановки застыла так привлекавшая многих знаменитых петербуржцев провинциальность. И пусть сейчас облик этих мест уже во многом изменился, но остались воспоминания – самого автора и других очевидцев. Воспоминания, а также архивные изыскания – в основе этой увлекательной книги.

Содержание

Предисловие 9
Часть I 15
Полет на Марс стартовал… из моего двора 15
«Дом 11, во дворе…» 15
Крастинг и Крейзер 23
Дом с аркой 29
Пиявки, лодки и саженцы 37
Деревянные мосты 49
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Сергей Юрьевич Петров
На берегах реки Ждановки

Предисловие

Несмотря на то что речка Ждановка и примыкающие к ней районы Петроградской стороны и Петровского острова расположены в центре города, материалов об истории, людях и улицах этой части Петербурга опубликовано сравнительно немного. Возможно оттого, что Мокруши и Колтовские (так некогда называлась эта часть города), находясь всего в нескольких шагах от великолепного Большого проспекта, казались в сравнении с ним слишком уж провинциальными. На Большом – доходные дома известных архитекторов, рестораны, кинематограф, а здесь сады, деревянные особняки, каретные мастерские среди казенных строений военных училищ. Это был то ли город, то ли дачный пригород в окружении парков Петровского острова. Не случайно архитектор Аполлон Щедрин, много строивший на Петербургской стороне, писал в XIX веке брату в Италию, что город теперь не узнать, «одна только наша родина, Петербургская сторона, остается в своем виде». Этими трогательными словами архитектор констатировал застывшую провинциальность района, располагавшегося, между прочим, всего в двух-трех километрах от Дворцовой площади.

Похожие оценки мы читаем и в воспоминаниях купеческой дочери Агриппины Куприяновой, относящихся к гораздо более позднему времени (фактически к концу XIX ве-

ка). В них она пишет, что парное молоко у жителей Большого проспекта и прилегающих к нему улиц было не привозное, а от коров, пасущихся в окончании нынешней улицы Ленина; и земляника, смородина, малина, огурцы – также со своих огородов.

Эта провинциальность чаще не отталкивала, а наоборот, привлекала многих знаменитых петербуржцев. В разное время здесь жили и работали писатели, архитекторы, военачальники, политические деятели, купцы, оставившие видный след в истории нашего города.

Тому, что район долгое время не слишком развивался, способствовала и высокая концентрация военных учебных заведений в данной местности. Второй кадетский корпус, Павловское, Владимирское и Топографическое военные училища придавали консервативный, даже казенный облик Ждановской набережной и Большой Спасской улице, и хотя в конце XIX века вокруг казарменных зданий стали расти доходные дома, «военная доминанта» района оставалась непоколебленной. Да и не могло быть иначе, ведь здесь начиналась военная история Российской империи. Поименованные училища дали цвет командного состава русской армии, на военные праздники сюда нередко наведывались члены императорской фамилии, а некоторые из августейших особ являлись либо покровителями, либо значились, как цесаревич Алексей Николаевич, в списках учащихся. «Военный район» на Петербургской стороне сохраняется и по сей день.

В конце XIX века дачный характер Колтовской слободы и Петровского острова несколько померк в связи с бурным наступлением промышленных предприятий на тихую окраину Петербургской стороны. Больше в этом смысле не повезло Петровскому острову и Леонтьевскому мысу, где расположились индустриальные гиганты того времени, в частности канатная фабрика Гота и механический завод «Вулкан». Деревянные особняки, окруженные цветущими садами, стали соседствовать с взмывшими высоко в небо фабричными трубами.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что район вокруг Ждановки соединил в себе несколько функций: военно-образовательную, дачную и промышленную. Как это уживалось между собой, объяснить в двух словах трудно, но уживалось.

Тихая провинциальность сохранялась вплоть до начала 1960-х годов: в это время во дворах еще можно было встретить и цветущие яблони, и бегающих кур, и поленницы с дровами. За городской чистотой и зеленью проступало очарование уже подзабытой ленинградской культуры…

Перестройка 1950-1960-х годов «избавила» район от деревянных особняков, чудом сохранившихся с дореволюционных времен, булыжных мостовых, лодочных станций и шатких деревянных мостов через Ждановку. Мало что осталось и от дач Колтовской слободы. В сталинские новостройки, возникавшие на их месте, вселялись люди из окраин Ле-

нинграда, из его пригородов. Нарушалась преемственность, в результате чего старожилы Петербургской стороны быстро затерялись среди новоселов. Подобная картина, впрочем, характерна для всех центральных районов города, и, по-видимому, для всех городов мира.

В какой-то степени «воскресить» ушедшее время нам позволяют сохраняющиеся символы района. Их не так уж мало, хотя в последнее время мы теряем все с ускоряющейся и пугающей быстротой. Изменился Леонтьевский мыс, ломают всем надоевшие уродливые корпуса Института прикладной химии, расположенного на берегу Малой Невки, готовится к масштабной застройке Петровский остров. Значит, район снова изменится и еще одна страница истории окажется перевернутой.

Время безжалостно к нашим представлениям о том, что хорошо, что плохо в архитектурных стилях, поэтому район, как, впрочем, и весь город, стремительно меняются в соответствии с культурой своего времени. Идешь по некоторым улицам Петербургской стороны и среди «живых», пусть и требующих ремонта старых зданий, стоят молодые дома-трупы. Еще отделка свежа, еще стекла с дорогим покрытием не запылились и блестят на солнце, точно зеркальные, однако здание мертво и ничем его не оживишь.

Видимо поэтому деиндустриализация района, в результате которой промышленные предприятия либо выводятся на окраину, либо вовсе ликвидируются, пока не пошла Петер-

бургской стороне на пользу. Впрочем, так думают те, кто застал иную Петербургскую сторону; возможно и даже скорее всего, потомки будут думать совсем иначе.

Собственно говоря, в попытке отразить исторические этапы развития района, начиная от образования Петербурга и до наших дней, и родилась эта книга. Она ни в коем случае не претендует на полноту, не является справочным пособием и, более того, в оценке некоторых событий субъективна. Субъективизм ведь всегда присутствует, если касаешься истории. На страницах книги читатели найдут и живые воспоминания очевидцев, относящиеся к разным эпохам жизни Петербургской стороны, и сухие факты, основанные на архивных изысканиях, и описание нереализованных «проектов века», и личные воспоминания. По этой причине не следует упрекать автора за некоторую непоследовательность в изложении материала, ведь цель не состояла в создании фундаментального труда.

Книга построена в форме очерков, посвященных каким-либо событиям истории, происходившим на берегах Ждановки, либо людям, проживавшим здесь, либо улицам и переулкам. В первой ее части описывается прибрежный район от Тучкова моста до Леонтьевского мыса и набережной Адмирала Лазарева – все то, что некогда относилось к Колтовской стороне и Мокрушам. Вторая часть посвящена истории Петровского острова.

Если предлагаемая книга хоть в какой-то степени помо-

жет воспроизвести утраченный облик района, свою задачу автор посчитает выполненной.

Часть I
Правый берег

Полет на Марс стартовал… из моего двора

«Дом 11, во дворе…»

Многие ли встречали свой адрес на страницах романа? Вот и автор этих строк удивился, прочитав в детстве строки романа Алексея Толстого «Аэлита»: «Инженер М.С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс. Явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера, Ждановская набережная, дом 11, во дворе». Дело в том, что это как раз тот адрес, где я жил со своими родителями. Вполне естественным было желание разобраться с тем, как выглядела местность во времена Алексея Толстого и где именно находился описанный в романе пустырь. То, что удалось выяснить, не вполне совпадало с написанным до сей поры на эту тему.

Двор, откуда стартовал первый «полет на Марс», располагается в Офицерском переулке, однако сразу отметим: дом

№ 11, что напротив стадиона «Петровский», с изящной большой аркой, перекинувшейся через переулок, был построен уже в 1955 году и никак не мог служить прототипом для романа Толстого. В 1920-е годы, когда разворачивается действие книги, на этом месте стоял небольшой деревянный дом.

Упоминание о нем находим у Н.П. Анциферова в книге «Петербург Достоевского»: «.Следует повернуть в Офицерский переулок. Его облик чрезвычайно интересен. На каждом углу по маленькому деревянному домику. Один из них прижат к четырехэтажному дому с мансардой. Этот дом несомненно позднего происхождения, но он принадлежит к числу тех доходных домов с вычурным фасадом, о которых так насмешливо говорил Достоевский в своем „Дневнике писателя“… Перед нами то „поражающее взгляд“ сочетание маленького ветхого домишки, „подобного куче дров“, с большим доходным домом».

«Куча дров» – это и есть дом № 11 по Ждановской набережной, принадлежавший до революции потомственному почетному гражданину Николаю Кононову, а четырехэтажный дом с мансардой – дом № 9 по этой же улице, принадлежавший Александру Мейснеру. Для нас дом Мейснера – памятник модерна, но Анциферов без восторга воспринимал доходные дома «претензионного вида», а потому обратил внимание на деревянный «домишко» рядом. На него же, точнее на двор за домом, приблизительно в это же время об-

ратил внимание и А. Толстой, но по другой причине: здесь начиналась глухая часть Петроградской стороны с пустырями и хаотично натыканными сараями, откуда вполне можно было произвести запуск космического аппарата.

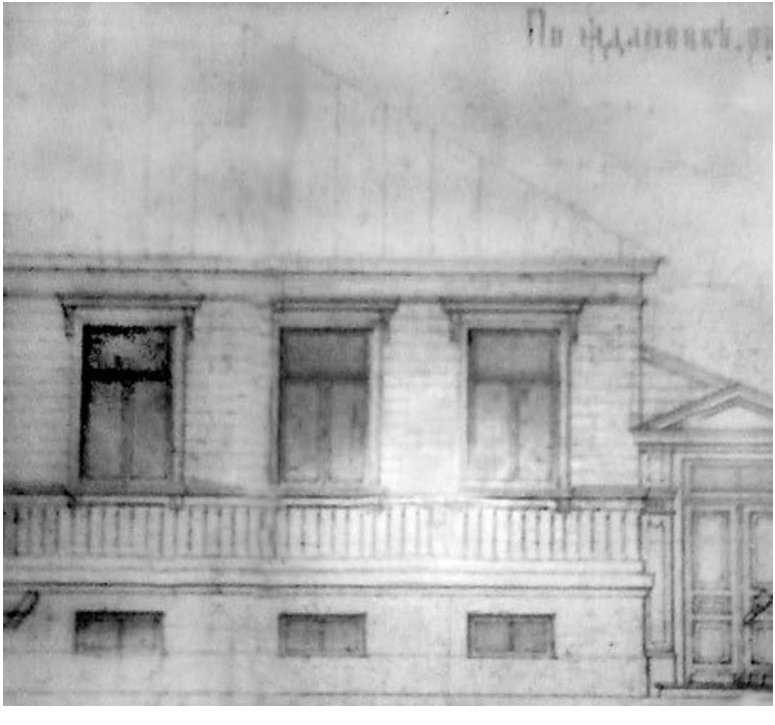
Прочитав строки «Аэлиты», я стал рисовать в своем воображении летательный аппарат инженера, пытаясь представить себе, как же выглядел двор в описываемое Толстым время. Ведь поселив героев своих романов в домах «за дощатыми заборами», писатель, возможно, сам того не желая, передал характер бытия этой части Петроградской стороны в начале XX века: «С севера Петровский остров обтекает речка. За ней – Петербургская сторона. Днем, в будни, когда пустеет стадион на острове тихо, поют птицы. Пасется несколько коз». Или еще одна фраза из рассказа «Василий Сучков»: «Скучно в воскресный день на Петербургской стороне, в улицах, где не прозвенит трамвай. Пустынно, бедно».

Дом 11, во дворе. Фото 2011 года

Заросшие берега реки Ждановки, Петровский остров, где на месте еще не построенного стадиона паслись козы; дома за глухими заборами, окруженные обширными пустырями, – все это не очень вязалось с окружающей действительностью, ибо ни дощатых заборов, ни пустырей почти не осталось. Разве только на Петровском острове, тогда еще не обустроенном, да в устье Ждановки – у завода «Вулкан».

Какой же именно пустырь имел в виду Толстой? В 1960-е годы, когда я, будучи школьником, попытался было про-

вести «расследование», пустыря нужного размера не обнаружилось. Поскольку писатель указывал, что старт произошел прямо из сарая, я решил, что на эту роль лучше всего подходит двухэтажный не то дом, не то сарай (впоследствии снесенный), глядевший окнами в нашу парадную. Пристроен дом-сарай был к дому № 1/11 по Офицерскому переулку. Вокруг него бегали куры, в нем кто-то жил, рядом располагалась поленница с дровами.



«Куча дров» – дом № 11 по Ждановской набережной. Эскиз фасада XIX века

Двор вообще носил тогда черты милой провинциальности. В центре росла огромная яблоня высотой до четвертого этажа; тучи птиц гнездились на ее ветвях. Каждой осенью она одаривала нас маленькими сладкими яблочками. Яблоня придавала двору вид некой загородности, точно это уже и не двор в центре города, а пригородная усадьба. Нестыковка состояла лишь в том, что в небольшом по площади дворе никак не могла разместиться тысячная толпа, провожавшая, согласно тексту романа, инженера Лося и красноармейца Гусева на Марс, и я счел упоминание о пустыре авторским преувеличением.

Однако расспросы старожилов и старые карты показали, что искомый пустырь все же существовал. Он находился сразу за двором дома № 11, тянулся почти до Съезжинского переулка, до бывших офицерских казарм Владимирского пехотного училища (Офицерский пер., 7), и обозначался на картах как «пустопорожнее место». До революции оно принадлежало Крюковым, так и не удосужившимся что-нибудь здесь построить. Пустырь был размером с пару футбольных полей, поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что именно он и стал «героем» романа.

Пустырь, откуда произошел «старт на Марс», ныне застроен корпусами завода. Фото 2011 года

Впоследствии «пустопорожнее место» заняли дома № 3 и № 5 по Офицерскому переулку. Частично его застроил в 1930-1950-е годы завод. Основанный в 1925 году и известный ныне под именем «Навигатор», он располагается своими офисными зданиями по Малому пр., 4. В советские времена это был просто п/я (почтовый ящик. – С. П.) № 629. Существовали такие закрытые предприятия, проходные которых утром поглощали уйму народу, а вечером выплескивали обратно, но какие-либо вывески на фасадах зданий отсутствовали. Вроде есть предприятие, а вроде и нет, захочешь устро-

иться со стороны, но не найдешь отдела кадров… Правда, окрестные жители знали, что завод выпускает радиотехническую аппаратуру космического назначения, однако секретность предприятия от этого не убавлялась. Даже подготовленную к отгрузке продукцию вывозили с завода исключительно ночью, отчего жителям прилежащих кварталов приходилось спать при шуме мощных грузовиков. Мама очень жаловалась на этот ночной шум.

Сразу после Великой Отечественной войны для завода из Германии с заводов Круппа было вывезено около 350 вагонов оборудования, и неудивительно, что расширяясь и выстраивая новые корпуса, предприятие стало интенсивно поглощать пространство. Сначала по проспекту Щорса (Малому пр.) в сторону Съезжинского переулка, а затем, когда не стало хватать места вглубь, – в сторону Офицерского переулка. Так и пропал к 1960-м годам пустырь, упомянутый в «Аэлите». Теперь, если зайти во дворы домов № 3 и № 5 по Офицерскому переулку, на месте пустыря видны разностильные корпуса завода, а рядом гаражи.

Несколько слов и о другом герое «Аэлиты» – изобретателе летательного аппарата инженере Мстиславе Лосе. Многие полагают, что у него существовал реальный прототип – авиатор Юзеф Лось, живший поблизости и репрессированный в 1937 году. Трудно сказать что-либо определенное. А вот находившаяся на Ждановской авиационнотехническая школа могла повлиять на ход мыслей писателя. Пустырь, авиаци-

онная школа, опыты с двигателями – есть, где развернуться фантазии…

Крастинг и Крейзер

Если кто-то, прочитав строки «Аэлиты», заглянет ныне во двор дома № 11, едва ли он найдет много примет былого. Нет, формально двор выглядит почти также – за исключением одного здания все остальные старой постройки, однако нет существенных «мелочей»: двух деревянных домов по углам Офицерского переулка, пристроек, сараев с поленницами дров. Нет и пустыря, начинавшегося сразу за домом № 11/1.

Дом датского подданого Х. Крейзера по Ждановской ул., 1, в XIX веке имел всего 3 этажа. Фото 2011 года

Из примет былого дольше всего держалась яблоня. Считалось, что посажена она была еще до революции. Архивные изыскания подтвердили это. Во дворе дома № 11 еще в 1880-х годах тогдашний владелец участка купец Эрнст Крастинг разбил сад. На плане участка, представленного в Городскую управу в 1886 году, фигурные клумбы этого сада добросо-

вестно вырисованы. Там и росла яблоня вплоть до 1960-х годов, как весточка из XIX века.

Поскольку о дворе на углу Ждановской набережной и Офицерского переулка в связи с «полетом на Марс» написано немало (чаще в гадательном плане), попробуем реконструировать его действительный облик. Тем более что он подходит под понятие типового двора на Ждановке: двухэтажный деревянный дом, фасадом глядящий на набережную; во дворе – флигель, ледник, прачечная, сарай для домашнего скота, сад…

Первым владельцем дома по наб. р. Ждановки, 11, являлся довольно известный в XIX веке архитектор, профессор, академик Федор Эппингер. По его проекту, в частности, производилась в 1860-х годах отделка угловых зданий Академии художеств на Университетской набережной.

На существующем в ЦГИА плане двора Эппингера, составленном в 1868 году, уже видны постройки, дожившие чуть ли не до середины XX века: довольно массивный угловой двухэтажный деревянный дом, имевший с десяток комнат на каждом этаже, пристроенные к дому так называемые службы, а в глубине двора – колодец, сараи, выгребные ямы. Дом выглядел «кучей дров», но это в сравнении с появившимися в начале XX века доходными домами «с претензией», в частности, с соседним домом архитектора А. Стюнкеля по Ждановской наб., 9. В середине же XIX века Большой и Малый проспекты, а тем более набережная реки Жданов-

ки представляли собой «деревянное царство» с вычурными фасадами, резными заборами и непременным кудахтаньем кур и мычаньем коров из-за этих заборов.

О владевшем домом в 1870-е годы после смерти Ф. Эппингера прусском подданном Августе Юнге известно мало, а вот следующий владелец купец Эрнст Крастинг взялся за дело с купеческим размахом. В 1886 году в глубине двора им был возведен двухэтажный каменный флигель по проекту архитектора Людвига Шперера. Достроенный в 1903–1904 годах до четырех этажей и носящий ныне номер № 11/1 по Ждановской набережной, этот дом фигурирует во всех материалах, посвященным роману «Аэлита». Считается, что это как раз тот «дом 11, во дворе», куда инженер Лось приглашал желающих для полета на Марс. Едва ли мечтал купец о подобной славе своего дома.

Кроме постройки флигеля Э. Крастинг облагородил сад, придав ему изящные геометрические формы. На участке купца существовала мебельная мастерская, вероятно, во флигеле, а часть помещений арендовала чернильная фабрика. Ну и как водится, часть комнат сдавалась внаем.

В нашем представлении доходный дом – нечто многоэтажное, основательное и непременно памятник архитектуры. Однако основная часть квартир в XIX веке предлагалась собственниками небольших, иногда деревянных строений, сдававшими угол таким же небогатым арендаторам. Владения же купца Крастинга можно смело назвать не просто до-

ходным домом, а доходным двором. В том смысле, что доход приносили и комнаты, и служебные помещения, и дворовое хозяйство…

Вообще дворы в то время – это своеобразное маленькое царство с натуральным хозяйством, иногда с конюшнями и мастерскими, ибо только такая деятельность обеспечивала рентабельность. Не случайно многие хозяева домов нанимали управляющих, которые следили за хозяйством, а если комнаты сдавались внаем, то и за своевременной оплатой.

В 1903 году новым владельцем участка стал потомственный почетный гражданин Николай Никандрович Кононов. Это был известный домовладелец, имевший недвижимость по всему Петербургу. Первым делом Кононов в 1903–1904 годах перестроил по проекту Антония Носалевича дворовый флигель, надстроив два этажа и осуществив внутреннюю перепланировку помещений, в результате чего флигель из хозяйственного сооружения превратился в доходный дом. Это соответствовало духу времени и приносило неплохой доход. Любопытно, что в резолюции Городской управы от 1903 года, разрешающей надстройку этажей, приписано: «под личную ответственность владельца». Очевидно, в Городской управе сомневались, что подобная надстройка возможна технически.

Как бы там ни было, нынешний облик флигель № 11/1 приобрел именно при Н. Кононове. Не менялся лишь сам дом № 11 по Ждановской набережной. Он оставался дере-

вянным и пережил всех своих владельцев, пока в 1950-х годах на его месте не был построен помпезный сталинский дом, который и сам уже стал памятником архитектуры. Этот дом занял место сразу двух домов, поэтому нельзя не упомянуть о другой «куче дров» – доме датского подданного Иоанна Христофора Крейзера, стоявшем на противоположной стороне Офицерского переулка и имевшего адрес Ждановская ул., 1/2.

Много, много оседало в России в то время иностранцев; некоторые из них становились подданными Российской империи и даже почетными гражданами, некоторые сохраняли свое гражданство. В этом смысле владельцы домов на набережной реки Ждановки были как на подбор «из иностранцев»: подряд шли участки Мейснера, Крастинга, Крейзера, Гойера, Нагеля…

Что же привело датчанина Христофора Крейзера в Россию? Можно предположить – деньги. По крайней мере, купив в конце 1880-х годов участок, на котором располагался двухэтажный деревянный дом, он сразу затеял перестройки. В 1891 году по проекту известного архитектора Федора Нагеля (жил в доме по соседству) он строит трехэтажный каменный флигель, ныне имеющий адрес Ждановская ул., 1. И опять флигель оказался шикарнее самого особняка владельца. В 1950-е годы дом достроили до пяти этажей, чтобы подогнать высоту под строящийся дом № 11.

Флигель использовался как доходный дом, однако в ок-

тябре 1899 года Крейзер продает участок площадью 341 кв. сажень со всеми строениями на нем Петербургскому обществу страхований. Возможно, при растущей цене на недвижимость в Петербурге продажа участка оказалась выгодней сдачи внаем.

Общество страхований владело участком вплоть до 1918 года, когда оно было новой властью упразднено, однако деревянный домишко на углу Ждановской набережной и Офицерского переулка существовал еще долго, пока не наступила пора советской имперской архитектуры.

Дом с аркой

Хотя нынешний дом № 11 по Ждановской набережной уже не имеет никакого отношения к «Аэлите», однако, любопытный нет-нет да и заглянет во двор в поисках «аромата прошлого», да и обратит внимание на монументальное сооружение с колоннами и аркой. Пожалуй, наряду с московскими высотными домами – это апофеоз сталинской архитектуры!

Наша семья въехала в этот дом в 1955 году, когда, по словам родителей, обои еще пахли клеем. Отдельные квартиры соседствовали в нем с коммуналками на три-четыре семьи (в то время это было совсем неплохо). Внизу у входа в парадное висели списки жильцов, и мамины ученики, забывая адрес, находили нашу квартиру по этому списку.

Удивительно, но при всей своей монументальности этот пятиэтажный дом не имел лифтов. Так часто бывало в советское время: на арку, фасад и колонны денег не жалели, а на лифтах экономили.

Самые большие квартиры в доме располагались как раз над аркой, и западные ветры продували их насквозь. Холоднее всего было осенью, когда ветры свирепствовали, а отопление еще не включали. Зато какой потрясающий вид был из окна: Петровский остров, дальние огни Васильевского, становившиеся особенно далекими в ненастную осеннюю погоду, когда, казалось, Нева расширяется, словно это уже и не река, а море, разделившее острова непреодолимыми пространствами. Мне и сны такие снились: Васильевский остров «отъезжал» от нашей Петроградской стороны, мосты превращались в гигантские дуги до самых небес, а Нева становилась бурлящим холодным морем.

В первую же осень проживания случилось весьма крупное наводнение 1955 года: вечером вода вышла из берегов, волной прошлась по Офицерскому переулку, затопила первые этажи соседних домов, а нашему – хоть бы хны! И неудивительно, ведь дом был построен с учетом возможных наводнений и первый этаж располагался довольно высоко над землей.

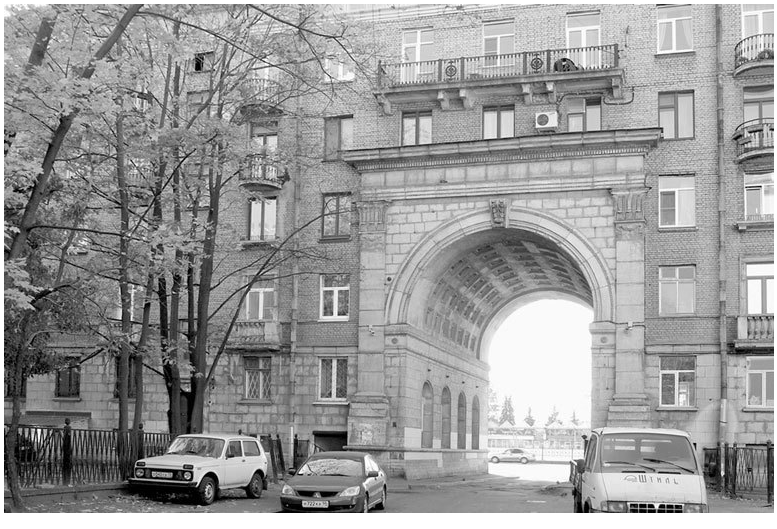
Кстати, по словам моих родителей, жители других домов по Офицерскому переулку в 1960-е годы не уставали повторять нам, жителям дома № 11, что очень сожалеют о преж-

нем доме Эппингера-Кононова. Но не по причине его исторической ценности. Причина более прозаична: когда деревянный дом снесли и построили «сталинскую громадину», мало того что народу во дворе прибавилось, но и солнца в переулке стало не хватать. Новый дом загородил двор с юга, и растения на подоконниках стали чахнуть.

Между прочим, зелень во дворах, а не скопище машин – характерная примета Ленинграда 1960-х. Нырнул под арку, и ты уже в ином мире: спокойном, несуетливом, зеленом. Поэтому не кажутся столь уж странными стихи поэта Федора Сологуба, написанные в начале XX века именно про эту часть Петроградской стороны.

По ночам я люблю босиком
Час-другой кое-где пошататься,
Чтобы крепче спалося потом…

Ф. Сологуб жил тогда на Малом проспекте и «шатался» по Введенской, Большой Спасской и прочим малым улочкам Петроградской стороны.



Построенный в 1955 году дом № 11 по Ждановской набережной загородил все солнце в Офицерском переулке. Фото 2011 года

Конечно, я уже не застал такой провинциальной картины района, чтобы можно было «босиком пошататься» или попасти коз на Петровском острове, однако и такой суеты, как нынче, тоже не было. Хоть и в самом центре города, но тихо и зелено – рядом Нева, Ждановка, Тучков буян, Петровский остров… На месте нынешнего дворца спорта «Юбилейный» – цветочный питомник; во дворах – деревья, в переулках – булыжные мостовые…

Петроградская сторона, по моим наблюдениям, за послед-

ние сто лет пережила две крупные перестройки – на рубеже XIX-XX веков и в 1960-е годы. Да, район перестраивается постоянно, но все-таки революционных перестроек здесь было именно две. Возможно, сейчас происходит третья, однако это трудно оценить, не зная конечного результата.

О последней – стеклянно-безвкусной – напишет кто-то другой, я же хорошо запомнил ту, что происходила в 1960-х годах. Дело в том, что из мальчишеского любопытства мы с товарищами облазили почти все строившиеся тогда объекты – от деревянных мостов на Ждановке, доживавших свой век, до бараков на Петровском острове, приготовлявшихся к сносу. Я уж не говорю о «Юбилейном», стремительно выраставшем на месте городского питомника. И если, поселившись на Ждановской набережной совсем еще ребенком, я застал одну Петроградскую сторону, то уезжая отсюда четырнадцатилетним подростком, видел совсем другую.

В 50-60-х годах XX века элементы старого Петербурга встречались еще на каждом шагу. Это и множество деревянных домов, и булыжные мостовые, и лодочные станции на Неве, и оставшиеся немощеными, без гранитного одеяния, набережные рукавов Невы.

Мама рассказывала, что когда в начале 1950-х годов, учась в Педагогическом институте, она ходила гулять с подругами с 1-й линии Васильевского острова, где располагалось общежитие института, на Петроградскую сторону, то по сравнению с «тесным» и застроенным Васильевским остро-

вом Петроградская сторона казалась ей просторной и тихой. Свернув во двор, можно было за красивым фасадом доходного дома наткнуться на деревянную развалюху, возле которой спокойно прогуливались куры. Перегнивший навоз для комнатных растений они с подругами брали в конюшне, существовавшей на месте нынешнего стадиона СКА на Ждановской улице, а цветочный питомник напротив Князь-Владимирского собора был любимым местом их прогулок.

Шестидесятые годы опрокинули сонную жизнь Петроградской стороны. Заменялись все без исключения окружающие мосты, строился фактически новый стадион им. В.И. Ленина, преображался Петровский остров, одевались в гранит набережные, исчез питомник…

Проспект Добролюбова. Справа городские питомники.

Фото 1950-х годов

Этапов перестройки района, как они мне запомнились, было несколько. Сначала реконструировали, а по сути заново построили в 1957–1961 годах стадион им. В.И. Ленина (ныне – «Петровский»), а заодно привели в порядок прилегающую территорию. Окрестности, примыкающие к стадиону, были открыты для посещения всегда, а не только в дни футбольных матчей.

Затем взялись за сам Петровский остров: ликвидировали коммунальные деревянные бараки и общежития с печным отоплением и вечными поленницами дров поблизости; заменили все три деревянных моста, ведущие на остров. В это же время одели в гранит и берега Ждановки, после чего район лишился значительной доли своей провинциальной привлекательности.

Параллельно отстраивались рядом расположенные «большие» мосты: Строителей (так тогда назывался Биржевой мост) и Тучков. В 1961 году сдали мост Строителей, а в 1965 – Тучков мост.

Строительство гранитной набережной. Фото 1950-х годов

И, наконец, в 1967 году к 50-летию Октябрьской революции на месте городского питомника, где еще с дореволюционных времен разводили саженцы цветов и деревьев, возвели дворец спорта «Юбилейный». Питомник в центре города держался долго, и не в том беда, что здесь построили «Юбилейный», а в том, что рядом, на месте бывшего Ватного острова, предварительно засыпав протоку, отделяющую Ватный остров от Петроградской стороны, возвели корпуса Института прикладной химии (ГИПХ).

Поначалу современные здания на берегу Малой Невы казались необычными, но затем, когда постройки стали довольно скоро «облезать», уродливость этой архитектурной

затеи стала очевидной. Достаточно сравнить левый и правый берега Малой Невы в этом месте: на левом – набережная Макарова с доходными домами изысканной архитектуры, на правом – ГИПХ.

И последний штрих: в 1960-х заменили булыжные мостовые асфальтовыми. Если на крупных улицах эта замена обоснована, то с какой целью это сделали в переулках – непонятно. Офицерский переулок, улица Красного Курсанта, другие расположенные рядом улочки и переулки оделись в асфальт, и теперь там, на месте «вечного» булыжного покрытия, вечно нуждающийся в ремонте асфальт. В итоге переулки лишились прежней аккуратности и камерности, ничего не приобретя взамен.

Пиявки, лодки и саженцы

Если бы меня спросили, чем прежде всего запомнилась мне речка Ждановка 1960-х годов, я бы отметил три вещи: обрывистые, неровные берега, на которых вечно сидели рыбаки, лодочную станцию на месте ресторана «Парус», а также пиявок на песчаном дне. На Ждановке все дно было усеяно ими. Недавно я поймал себя на мысли, что уже лет двадцать не вижу пиявок в водоемах – ни в реках, ни в озерах, ни в городе, ни в пригородах! Так необратимо изменилась экология?

Неровные, неокультуренные берега придавали речке за-

холустный вид, однако когда в 1963 году берега были выровнены и оформлены гранитным банкетом, Ждановка стала напоминать не речку, а искусственный канал – красиво, но души нет. После этого и рыбаков на ее берегах заметно поубавилось. Кроме того, в результате выравнивания Ждановка стала уже на 6-10 метров, что еще больше усилило ее сходство с рукотворным каналом.

А в 1960-х рыбачили, можно сказать, всей коммуналкой. Сосед, вставая по весне очень рано, умудрялся до работы обзавестись неплохой добычей, отчего вечером вся квартира наполнялась аппетитным запахом жареной рыбы – окуня и плотвы. А весной еще и корюшки. Хотя стоила она в магазинах копейки, но брали ее, в основном, у рыбаков. За поллитра водки – ведро корюшки. Отец привозил рыбу с Финского залива ящиками, и уже через неделю я на нее не мог смотреть: она была у нас и жареная, и маринованная, и на первое, и на второе.

А какой колорит создавали лодочные станции! Одна из них была совсем рядом – у Тучкова моста. В погожие майские дни на веслах выходили семьями, с детьми, но особенно парни с девушками. Разряженная публика в лодках придавала району некую «курортность», и это не где-нибудь в ЦПКиО, а прямо в центре города. В Большую и Малую Неву выходить запрещалось из-за судоходства, но эти правила обычно игнорировали. Помню себя, еще совсем маленьким, с родителями в лодке возле Тучкова моста: рядом по Неве идет

большой теплоход, давший такую волну, что лодка чуть не перевернулась – испугался не только я, но и родители.

Иногда доходили на лодке и до Финского залива. Один случай чуть не закончился трагически. Выйдя по течению Ждановки в залив, далеко за Большой Петровский мост, мы потом с большим трудом вернулись обратно. На обратном пути наша лодка стала быстро заполняться водой; пришлось непрерывно вычерпывать ее не очень удобным ковшом. Гребли, сменяя друг друга, но лодка из-за встречного течения и внезапно поднявшегося ветра почти не двигалась, мне тогда казалось, что нам никогда не вернуться обратно.

В 1960-х годах лодочная станция у Тучкова моста исчезла, простояв на одном месте много лет. О ней писали в свое время Алексей Толстой в рассказе «Как ни в чем не бывало» и Вадим Шефнер в «Сестре печали». Потом, на том самом месте, где была лодочная станция, открыли плавучий ресторан «Парус».

Еще о Ждановке ходили легенды как о речке, в которой тонуло множество людей. Кто кончал жизнь самоубийством, кому в этом помогали злоумышленники. В рассказах фигурировала и лодочная станция. Здесь злоумышленник, как правило, брал напрокат лодку, чтобы «покатать» жертву.

Ждановская набережная в 1934 году

Обычно эти рассказы, возможно, и имевшие под собой реальную почву, обрастали такими подробностями и страхами, что от первоначального факта мало что оставалось. Например, типовой рассказ о том, как муж брал жену покататься по Ждановке, выходил с ней в Малую Невку и там инсценировал переворот на волнах. Разумеется, «спастись» удавалось ему одному. От многих я слышал эту историю, однако в литературе о ней нигде не читал – тут, вероятно, нужно изучать уголовную хронику XIX века, а вот о том, как банщик Емельянов утопил в Ждановке свою жену Лукерью, для того чтобы сойтись с любовницей, известно из резонансного уго-

ловного дела 1872 года. Обвинение тогда поддерживал адвокат А.Ф. Кони, и, несмотря на то что полиция первоначально определила самоубийство, на суде благодаря стараниям и красноречию Кони была доказана вина Емельянова.

Много говорили и о самоубийцах на Ждановке. Воды этой тихой речки, видимо, располагали к трагическим решениям. Тихо, темно, не так страшно, как на Неве, где водные просторы гнетут; плюс к этому возможность постоять вечером в одиночестве, никем не замеченным. Известно, что жена поэта Ф. Сологуба покончила с собой в 1921 году возле Тучкова моста.

Лодочная станция возле Тучкова моста существовала, кажется, почти столько же, сколько и сам Тучков мост, поэтому всякое случалось, однако в наше время, в 1960-е годы ничего страшного там не происходило. Иногда у кого-то переворачивалась лодка, но в узкой Ждановке удавалось спастись; у кого-то текла лодка, но успевали доплыть до станции. Кстати, лодки тогда были дощатыми, промазанными смолой, и сколько я себя помню катающимся по Ждановке, столько же помню и покрытое водой дно лодки и нелепый железный ковш, которым приходилось вычерпывать воду.

Если в 1960-х годах лодочную станцию закрыли, значит, она кому-то мешала. По-видимому, судоходству, так как зачастую люди не ограничивались прогулками по Ждановке, а выходили в Неву, пусть это строго-настрого запрещалось. Логично, что после открытия в 1964 году нового Волго-Бал-

тийского водного пути, избавились и от лодочной станции, служившей помехой интенсивному судоходству. Ушла еще одна примета старого Петербурга.

* * *

Удивительно, но по Ждановской набережной, в общем-то довольно широкой улице, в то время не существовало интенсивного автомобильного движения. А дело в том, что в 1960-е годы не существовало нынешней трассы: Тучков мост – Ждановская набережная – Новоладожская улица– набережная Адмирала Лазарева – Каменноостровский мост. Все движение шло по Большому проспекту и Большой Пушкарской улице, поэтому Ждановская улица выглядела пустынной. Автомобили двигались лишь на Петровский остров – к пивоваренному заводу «Красная Бавария» да к судоремонтным заводам. И все!

Оживлялась набережная лишь в дни футбольных матчей. «Волги», «Победы», «Москвичи» и «Запорожцы» сплошным потоком неслись по набережной, а затем через Петровский остров к стадиону им. С.М. Кирова. Это была кратчайшая дорога к нему. Стадион в то время легко заполняли 60–70 тысяч болельщиков, поэтому в дни матчей та Ждановская набережная напоминала нынешнюю – поток машин не позволял перейти улицу. В остальные дни можно было свободно кататься по улице на велосипеде и роликах, изредка уступая

дорогу троллейбусу № 7, идущему на Петровский остров, да машинам, тянувшим на прицепе бочки из «Баварии».

Купались в то время, тоже никуда не уезжая, на том же стадионе им. В.И. Ленина. Водоем, что так сиротливо выглядит на стадионе «Петровский» сейчас, тогда был бассейном и летом функционировал: вода была довольно чистая. На берегах сидели рыбаки, особенно около дамбы, а в здании в дальнем углу пруда, от которого сейчас остались развалины, находились раздевалки и работали плавательные секции. Купающиеся прыгали и с вышек высотой три, пять и десять метров, от них ныне тоже остались лишь остовы.

Доступ на территорию стадиона им В.И. Ленина, как я уже отмечал, был открыт постоянно, поэтому территория стадиона считалась как бы продолжением Петровского парка. По выходным играла музыка, продавалось мороженое, возле Ждановского моста стояла бочка с квасом, из нее за 3 и 6 копеек (маленькая и большая кружка) наливали настоящего хлебного кваса. Зимой непременно заливался каток, по выходным там всегда был аншлаг; впрочем, отдыхали тогда только один день – в воскресенье.

Строящийся новый стадион им. В.И. Ленина. Фото 1950-х годов

Зимой уроки физкультуры наша школа также проводила на стадионе: бегали на лыжах по площадке, где ныне синтетическое футбольное поле.

Когда в 90-х годах XX века «Петровский» закрыли для посещения (кроме футбольных матчей), я посочувствовал жителям близлежащих кварталов – они лишились прекрасного места отдыха. Тем более удивительно, что произошло это с местом, которое облюбовали для гуляний еще наши предки в XVIII веке.

Вообще со стадионом «Петровский» произошла историческая путаница. В справочниках фигурирует дата построй-

ки – 1925 год, хотя на самом деле это совсем другой стадион и роднит его со старым лишь местоположение. До этого стадион был деревянный, и из окна нашей комнаты на четвертом этаже было хорошо видно, как взамен невзрачного, потемневшего от времени сооружения, да к тому же пострадавшего во время войны, возводился каменный красавец, датой открытия которого считается 1961 год.

Кстати, местоположение нашей комнаты создавало семье проблемы. Дело в том, что из окна была видна ровно половина футбольного поля, поэтому мужская часть коммуналки во время матчей скапливались у окна 14-метровой комнатки, чтобы узнать счет. К счастью, чаще они это делали с крыши дома, откуда прекрасно обозревалось все поле. Получалось бесплатное «боление», не выходя из дому.

* * *

Иначе выглядело и пространство между мостами Строителей (Биржевым) и Тучковым. На первый взгляд, кажется загадкой, как в центре города, в полутора километрах от Дворцовой площади на месте нынешнего дворца спорта «Юбилейный» вплоть до 1966 года существовал городской плодово-овощной питомник – своеобразный оазис в центре города: оранжереи, парники, цветы, благоухание. Однако сие непонятно лишь с позиции нынешнего дня и при нынешних ценах на землю. В те времена и власть, и общество мыслили

несколько иными категориями, тем более что место это закрепилось за питомником исторически. Он появился здесь в конце XIX века и существовал еще в то время, когда русло реки Ждановки проходило по нынешнему проспекту Добролюбова и заканчивалось вблизи Петропавловской крепости. Строго говоря, в те времена питомник располагался на острове.

Когда в начале XX века эту часть русла Ждановки засыпали, Тучков буян перестал быть островом, но питомник остался, ибо городу требовалось много зелени и цветов. Кто жил в то время, несомненно помнит ленинградский стиль – культ цветов и всевозможных газонов.

Мама брала меня с собой, когда ходила покупать семена или саженцы. Питомник был окружен низким и весьма невзрачным забором, а по периметру росли высокие деревья. В оранжереях от запахов кружилась голова, а от буйства цветочных красок рябило в глазах. После посещения питомника аромат цветущей зелени помнился очень долго, так и осталось это место в моей памяти ярким, цветущим, солнечным. Глядя на «Юбилейный», я невольно вспоминаю то время, когда бетон и камень еще не вытеснили с Петроградской стороны деревья, кусты и цветы.

Как бы то ни было, в 1966 году парники у Тучкова моста ликвидировали, расчистив строительную площадку под дворец спорта «Юбилейный». Мы, учащиеся окрестных школ, во время субботников трудились по уборке территории, а

потом на каких-то подсобных работах в самом дворце. Весь проспект Добролюбова от Тучкова до Биржевого моста являл собой громадную строительную площадку с разбросанным повсюду мусором и стройматериалами. Строили тогда, как и сейчас, – со вселенским беспорядком.

Однажды после субботника, когда мы со школьными приятелями бродили возле возводимого дворца, к нам подошли три солидных товарища в дорогих костюмах. Как я понял, это были архитекторы во главе с автором проекта Г.П. Морозовым. Они о чем-то долго беседовали, любуясь своим творением с разных сторон. Видимо, не полагаясь на собственное мнение, один из них обратился к нам:

– Нравится вам дворец, ребята?

– Нет, – дружно ответили мы, понимая, что «захолустность» и тишина уходят из наших мест навсегда.

– Почему? – удивился архитектор, – Район ведь будет выглядеть современней.

Мы не знали что ответить, лишь мой приятель Витька бросил:

– Лучше бы питомники оставили.

Дворец спорта «Юбилейный». Фото 2011 года

Конечно, он так ответил из мальчишеского бахвальства, но, думаю, спроси его об этом сейчас, он ответил бы то же самое, но уже совершенно искренне.

Дворец построили быстро и в 1967 году, в год 50-летия Октября, сдали в эксплуатацию. Отсюда название – «Юбилейный».

Примерно в это же время засыпали, как я уже упоминал, последний из существовавших здесь островов – Ватный, и на его месте построили Институт прикладной химии. Ужасное решение, дорого стоившее городу! Мало того, что не были осуществлены довоенные планы о пешеходной зоне по берегу Невки от Петропавловской крепости до Тучкова моста,

так сейчас, когда здесь планируется к постройке «Набережная Европы», эта зона все же появится, но уже в соседстве с нагромождением так называемого элитного жилья. Можно представить, какова будет плотность застройки. А ведь до войны здесь мечтали вместо питомников разбить парк. Не успели…

Деревянные мосты

Каждой весной для мальчишек имелось развлечение – наблюдать за борьбой ледяных гор с деревянными мостами через Неву и Ждановку. Эпопея повторялась в ледоход ежегодно, поскольку до начала 60-х годов XX века все без исключения мосты в округе были деревянными, лишь мосты Строителей и Тучков имели металлические разводные пролеты. А специфика деревянных мостов в том и состоит, что в отличие от современных металлических, они многопролетные, с большим количеством опор, создающих препятствие проходящему льду. Глядя сейчас на фотографии тех мостов, я вообще не представляю, как лед мог проходить сквозь это сито опор. Перед мостами вбивали защитные деревянные сваи, но их обычно и сносило первыми.

Нам же было в радость глядеть, как огромные льдины, плывущие с Ладоги, упираясь в опоры, пытались их сокрушить. Борьба «кто кого» и привлекала мальчишек. В пик ледохода мы скапливались возле мостов, гадая, выдержат они

или нет на этот раз. Ледяные горы росли, наезжали друг на друга, опоры скрипели, косились, но не сдавались.

Но не обходилось и без потерь. То у одного, то у другого моста после очередного ледохода приходилось заменять или подправлять опоры, не говоря уж о защитных сваях. Ждановский мост, ведущий к стадиону «Петровский», ремонтировался постоянно. Глядя из окна нашей комнаты, я видел весной одну и ту же картину: подвозили бревна, брусья и латали пробоины. Но все равно после футбольных матчей, то в одном, то в другом месте зияли дыры от сломанных досок. Было непонятно, как мост вообще выдерживает толпы зрителей, идущих на футбол.

Но особенно тяжело приходилось Биржевому мосту, называвшемуся в то время мостом Строителей. В 1957 году мост сильно пострадал от весеннего ледохода, а еще раньше, в ноябре 1956 года, произошел навал около 30 судов, ожидающих ночного прохода на опоры этого моста. После этого происшествия мосту потребовался срочный ремонт.

Строящийся мост Строителей (Биржевой). Фото 1958 года

Из-за ежегодного натиска ледовой стихии мосты были недолговечны, часто ремонтировались, возле них всегда пахло свежей древесиной – она шла на латание пробоин. Можно сказать, за мостами ухаживали почти как за живыми, и никогда нельзя было заранее сказать, выдержит ли данный конкретный мост очередную ледовую атаку или нет.

Пожалуй, мосты, наряду с питомником и вносили наибольший вклад в придание району ореола провинциальности. Представьте, вокруг доходные дома известных архитекторов; академия Можайского с величавыми колоннами; на

берегу Малой Невы – бывший склад пеньки, созданный архитектором А. Ринальди и более похожий на дворец, и тут же старомодные мосты с прогнившими досками и покосившимися опорами, вечные склады бревен и досок возле них, ну а рядом парники и оранжереи городского питомника. Запах дерева и цветов, но никак не выхлопных газов!

Тучков мост. Фото 1955 года

Ясно, что такая «провинциальность» не могла сохраняться вечно по сугубо экономическим причинам. За несколько лет на обслуживание одного деревянного моста уходило почти столько же средств, сколько понадобилось бы на постройку нового металлического. К тому же интенсивное судоходство по Волго-Балту предъявляло повышенные требо-

вания к разводным пролетам. По этой причине в 1950-х и в начале 1960-х годов старые деревянные мосты в Ленинграде заменялись современными повсеместно.

В нашем районе первым взялись за мост Строителей, и в сентябре 1960 года после испытаний колонной танков его сдали в эксплуатацию. Тогда все мосты проходили испытания на прочность тяжелыми танками. Они группировались в тесные колонны и с грохотом проносились по мосту, а инженеры в это время с помощью специальных приборов проводили измерения на прогиб, деформацию и т. д.

Устье Ждановки. Фото 2011 года

Именно при возведении нового моста попутно засыпали Ватный остров, а сам мост несколько поменял свое местопо-

ложение. Чуть позже заменили и три деревянных моста, ведущих к Петровскому острову: Ждановский, Красного курсанта (ныне – Кадетский) и Мало-Петровский. Тогда же занялись обустройством и Петровского острова. Ликвидировали многочисленные деревянные постройки и привели в порядок парк; одели в гранит Ждановку, и рыбаки почти исчезли; а когда на правом ее берегу высадили дубы, обрывистые берега этой «забытой» речки приобрели весьма ухоженный вид.

Ну и, наконец, в 1962 году взялись за Тучков мост. В детстве время тянется медленно, и мне казалось, что строится он вечно, хотя «вечно» продолжалось всего четыре года. Тучков тоже был хорошо виден из нашего окна, и я ежедневно наблюдал за долгостроем. Сначала построили узкий обходной деревянный мост, по которому с малой скоростью двигался транспорт, в том числе трамваи, а затем, разведя вокруг грязь и беспорядок, долго возились с основным мостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.